

У СПИВАКОВА НОВАЯ ПРИЧЕСКА И НОВАЯ РАБОТА

Воскресенье. 1999. — 4 сент. — 018

Историческая встреча состоялась. В этот понедельник Владимир Спиваков с дирижерской палочкой в руке занял место за пультом в репетиционном зале Российского Национального оркестра (бывший киноеатр "Черемушки"). Отныне он — его главный дирижер и художественный руководитель. Знакомство произошло без эксцессов.

— Торжественные речи перед началом нехороши, — красиво сказал Владимир Теодорович, сославшись на Гёте. И продолжил как-то и обнадеживающе, и печально: — Судьба соединила нас на какое-то время. На какое — не знаю. Давайте обоюдно постараемся, чтобы наш общий путь не был очень трудным.

Выглядит maestro, надо сказать, необычно. Изменил прическу на "рокерскую". Мышцы накачаны, весь в модно-черном, которое не совсем черное, а такое темно-темно-серое.

Со стороны удивительно смотреть, как после двух-трех негромких фраз нового дирижера начинает звучать стройная музыка без явных изъятий и провалов. Хотя — просто встретились два высоких профессионала: РНО и Спиваков.

Проходили сначала сюиту из "Лебединого озера" — ну и артист же наш дирижер! Как он вынимал звук на себя, как купался в этой красотище,

лопатки у него работали и правда как у фокинского Лебедя... И вдруг — такой нечеловеческий "кряк" — затактовое "и". Или совсем земные — а как же! — замечания:

— Мало воздуха... Мертвовато... А вот это "па-па-па-па" (с большим напряжением) — все-таки не достаточно качественно... Расставим акценты. Акцент в музыке — это же как эпитет в речи!

Оркестр старается. Сложится — не сложится общая судьба?

"Лебединое" — это что! Следующей репетируют никогда не игранную у нас увертюру Бетховена "Ин-аутурация Дома".

— Простенькая такая фактурка! — заглянув в ноты, пищит корреспондент "ВК".

— Ну да, простенькая! — так убийственно тарашит глаза Спиваков, что тихо забываешься в угол. И мне еще расскажут об этом неведомом у нас сочинении, что в нем сказалось увлечение композитора Генделем и что оно имеет непреходящее значение и, что хоть написано на открытие театра в 1822 году, Бетховен придавал ему концептуальный смысл, иначе не поставил бы в свое время перед премьерой грандиозной Девятой симфонии.

На этой первой встрече Спиваков попросил свой новый оркестр сыграть

"Болеро" Равеля: "Там все на виду, духовые в особенности".

В Москве он пробудет до 9-го. Со второго начался конкурс в новый состав бессмертных спиваковских же "Виртуозов Москвы" Беспрецедентный случай: двое музыкантов, играющих в "Виртуозах" с первых дней, получили пост пожизненных концертмейстеров — Аркадий Футер и Михаил Мильман (это означает вечную зарплату и право принять участие в любом концерте "Виртуозов"). Вряд ли Спиваков рисуется, говоря, что у него всегда в подкорке чеховское "а человека-то забыли" (читай: фирсовское "про меня забыли") — ведь список благодетелей знаменитого музыканта не ограничивается бумагой.

13 сентября он председательствует на конкурсе им. Сарасате. Затем вылетает в Милан: тремя концертами (Моцарт, Мендельсон) открывает симфонический сезон оркестра Ла Скала. А 30-го, наконец, — сезон Российского Национального оркестра в Москве, в Большом зале консерватории. Прозвучит та самая увертюра, Первый концерт Бетховена для ф-но с оркестром (солирует сам Михаил Плетнев, так что концерт вдвойне исторический) и Пятая симфония Чайковского.

Наталья ЗИМЯНИНА